

ИСАЙ
КАЛАШНИКОВ

ЖЕСТОКИЙ
ВЕК

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

УЛАН-УДЭ · БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1985

Исай Калашников

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

Исторический роман

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Художник **О. Д. Цыремпилон**

Калашников И. К.

К171 Жестокий век. Роман. Переиздание. Предисл. М. Н. Ломуновой. Послесл. А. Борщаговского. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985—768 с.

Роман Исая Калашникова — широкое художественное полотно, выдержанное в традициях русской реалистической прозы. Оно воссоздает красочную картину жизни монголов в конце XII — начале XIII века. В центре романа образ Тэмуджина — Чингисхана. На глазах читателя происходит разрушение личности. Мстительность и злоба, характерные для Чингисхана, с годами проявляются все острее. Желание стать единственным правителем вселенной толкает его к новым и новым кровавым завоевательным походам. Населив роман многими героями, писатель значительное место отвел людям из народа, показал страдания, которые принес им жестокий век, и в то же время подчеркнул их силу, их мастерство, их волю к свободе и к созиданию.

К 4702010200—028 060—85
M122(03)—85

84P7

© Издательство «Советский писатель», 1980.

© Художественное оформление, предисловие, послесловие Бурятского книжного издательства, 1985.

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ И ЕГО КНИГИ

...Высокое степное небо. Прокаленные солнцем тела сопки. Ни кустика на них, лишь на горизонте темнеет гребешок леса. Небо, степь, сопки — все насквозь пропитано терпким духом полыни... Такой я вспоминаю землю его детства...

Здесь, в забайкальском селе Шаралдай, где деревенские порядки почти сплошь из закаменевших, рубленных еще прадедами изб, вдруг ясно увидишь давний день...

...Стадо разбрелось по холмам. Пастушонок, мальчонка еще, чуть не вдвое перегнулся на лошади: уткнулся в книжку, не видит, не слышит ничего. «Исайка-а-а!» — Истошный крик дружка, такого же малого, возвращает паренька на эту землю.

Односельчанам он так и запомнился: мальчишка с большой брезентовой сумкой через плечо, набитой книгами. А библиотека находилась в райцентре, километров за двадцать от села. Сколько раз, обутый в рваные, потрепанные чизги, мерял он эти версты...

В войну Шаралдай, как и вся страна, жил трудно.

«Мы росли без особого присмотра, самостоятельно вырабатывая понятие о жизни.— вспоминал эти годы Исай Калистратович Калашников.—...В трескучие морозы приходилось с утра до вечера бродить со стадом по засыпанным снегом полям... Мы едва выжили из детского возраста...»

Книги были его страстью. А ведь рос будущий писатель в старообрядческой семье, атмосфера которой вовсе не содействовала «мирскому» чтению. Отца в селе не было, мать от зари до зари в колхозе. Единственной хозяйкой в доме оставалась бабушка.

«С лицом неистойвой боярыни Морозовой. Она безмерно страдала, когда я стал учиться в школе. Любая книга для нее, кроме полупудовых фолиантов со словом божьим, была откровением антихриста...»

За Байкалом, в Бурятии, немало встретится старых русских сел. Обратят на себя внимание темные избы, перегороженные особо, по раскольничьему обычаю, на две половины. Нет-нет мелькнет на сельской улице старуха, одетая в широченный яркий сарафан покроя, непривычного для средней России.

Вплоть до конца XVIII века шли в этот край ссыльные семьи староверов, получив прозвище «семейских». Шаралдайские ребятишки были слышаны о том, как «каналы-маяли, гнули, мытарили мужиков... но семейские твердо стояли на своем», оберегая веру...

В годы гражданской войны Шаралдай оказался в водовороте грозových бурь. И сейчас старики укажут место, где посреди сельской улицы воротами стояла виселица. Здесь приняли смерть от рук японских интервентов и семеновцев партизаны Шаралдая, окрестных сел.

...Спускались на Тайшихину падь сумерки, и перед ребятами, что работали в конюшне на ферме, пронеслись те огневые годы. За старшего был у них Афанасий Филиппович Архипов. Человек замечательной судьбы, хоть и грамоте мало обучен. Сражался в отряде Лазо, партизаном воевал против семеновских

ленные в древних летописях. В знаменитом «Сокровенном сказании», созданном через 13 лет после смерти Чингисхана, говорится, что Тэмуджин родился со сгустком крови в правой руке. Этот факт мог показаться вычурным. Писатель отнял его, ибо то была попытка летописца объяснить появление Чингисхана «божественным» предопределением. Но если исключить «божественное», перед читателями явится изверг от рождения, с психикой, отклоненной от нормы. Такому предьявить обвинение трудно. Чингисхан предстает перед судом современности. И. Калашиников выносит ему приговор, и этот приговор тем суровее, что перед нами обычный человек.

В романе две части — «Гонимые» и «Гонители». И уже в самих названиях — процесс деградации личности Тэмуджина, суть его роли в истории.

В годы кровавой вражды племен проходит детство и юность Тэмуджина, полные невзгод и лишений. Сам жестокий век воспитывает его: «Или покоряйся другим, или покоряй сам». И Тэмуджин приходит к убеждению: он сам должен стать сильным; будь у него сила, он избавит людей от того, что пережил сам, — от страха, голода, унижения. В этот начальный период деятельности Тэмуджина простые люди поддерживают его, отпрыска знатного рода, идут за ним. Кузнец Джарчиудай, выразитель взглядов народа, отправляет на службу к Тэмуджину сына своего, Джэлмэ. Как всякий простой человек, он не очень-то доверяет войнам: все лезут «в повозку, и всем хочется править». Но Тэмуджин сам носил колодку раба, и ему ли не знать несчастий бедняков?

Психология Тэмуджина меняется не вдоум. Еще преследуемый, гонимый, совершает он свое первое преступление против человечности — убивает дух воинов Таргутай-Кирилтуха. Жестокость бессмысленная, не вызванная необходимостью. Но скоро она станет оружием в руках Тэмуджина, природы противоречивой, властной. И вот уже идея покорения мира овладевает им. Тэмуджину только кажется, что он выбирает иной путь, нежели тот, на который толкает его шаман: покорять сильных, чтобы самому стать сильнейшим. И ненависть его к шаману, сначала неосознанная, — это ненависть, рожденная стремлением обрести всю полноту власти, не деля ее и со служителем неба.

Мановением его руки истребляются целые племена. Это уже не стихийное проявление жестокости, а целенаправленное уничтожение народов, способных к сопротивлению. Он не верит ни в дружбу, ни в родство. Только страх, считает он, удерживает людей под одной рукой: «Всели страх в сердце человека, и он твой раб». На страхе держится и его армия — разноплеменная, жаждущая добычи. Процесс разложения ее усугубляется.

А его народ? Дал ли ему Чингисхан обещанные покой и сытую жизнь? Есть в конце романа красноречивый эпизод. Старейший Чингисхан едет с друзьями юности в родные степи — вдохнуть животворного воздуха. Джэлмэ молча ведет его к темнеющей вдали старой юрте. Нищие одинокие старики доживают в ней свой век. Пятеро их сыновей сложили головы в чужих землях... Вот тот «покой», то «счастье», что принес Чингисхан своему народу.

Много бедствий принес народам жестокий век. Но роман полон жизнеутверждающего пафоса, веры в нескрушимость добра и человечности. Этот гуманистический пафос произведения отметила газета «Правда». Залогом тому — душа народа, что «живет и дает жизнь всему живому»; да, «какой бы длинной зима ни была, за нею следует весна».

Работа над «Жестоким веком» заняла десять лет. Это был огромный, напряженный труд. И. Калашиников изучил жизнь десятков племен, народов, их обычаи, уклад... Шесть раз переписывал он роман.

А сколько замыслов осталось незавершенными! «Темы обгоняют друг друга, как велосипедисты на шоссе», — признавался писатель. Читаешь его дневники — и поражаешься жесткой требовательности к себе, к творчеству своему. Это та высокая честность наедине с собой, которая заставляла литератора еще и еще раз переписывать листы, прежде чем отдать их людям. Размышляя, что же, кроме таланта, необходимо художнику для того, чтобы заставить человека и по прочтении книги переживать, думать, мучиться, он записал в дневнике: «Беспощадная честность и ясность цели и сочувствие к людской боли». В этих словах — весь Исай Калашиников.

М. Ломунова.

КНИГА ПЕРВАЯ

• ГОНИМЫЕ •

Небо звездное, бывало,
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись,
Мать широкая земля
Содрогалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная.

*(«Сокровенное сказание»,
монгольская хроника 1240 г.).*

